

няться, порою сливаться, в другие — не совпадать и даже противоборствовать между собой.

В первобытном, бесклассовом обществе власть (органы родового строя) обладала авторитетом в глазах всего общества, т. е. власть и авторитет там совпадали. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому, не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывает самому незначительному родовому старейшине»³. Но и тогда процесс осуществления власти включал элементы принуждения, хотя этот факт и не означал, что органы управления утрачивали свой авторитет. Более того, органы родового строя обладали авторитетом даже в глазах нарушителя обычаев данного рода или племени.

Иную картину мы наблюдаем в классовом обществе. Здесь достаточно часто власть и авторитет не совпадали. Реальная сила и характер власти, зиждившейся на материальных и социально-политических основах, часто зависели от изменений социальных структур и общественных связей, от столкновений противоборствующих классов, сословий, социальных, этнических и религиозных объединений, отдельных сильных личностей. Завоевание властью авторитета в антагонистическом обществе, как правило, всегда было связано с принуждением, что подрывало моральную ценность власти и уважение к ней.

Однако и здесь власти как материальной силе государства, светской, церковной организации, корпорации или сословия мог быть в известный момент присущ и авторитет как морально-этическая категория, феномен человеческого сознания, не допускающий принуждения. Поэтому нередко власть в лице государства, церкви, общественных объединений для приобретения авторитета прибегала не только к методам принуждения, но и к убеждению. Причем ориентиром в этой политике была социальная психология отдельных классов, сословий, широких народных масс. Авторитет господствующего класса был обусловлен характером общественного строя, различным отношением к власти со стороны классов, социальных групп и отдельных лиц. Однако авторитетность власти в конечном счете определялась степенью ее соответствия интересам большинства трудящихся — членов общества. Власть могла быть авторитетной для одного (господствующего) класса и его союзников и выступать как враждебная сила, лишенная авторитета, для другого класса или социальной группы. Огромное значение при этом имеет для той или иной исторической эпохи какой класс — передовой, растущий или уже уходящий с исторической арены — является носителем власти и авторитета в данном обществе.

Высказанные нами общие замечания методологического характера, бесспорно, относятся и к эпохе средневековья, хотя средневековое общество, конечно, сохраняет свои отличительные особенности. Многообразие форм государственной власти, могущество церкви, феодальная иерархия, корпоративный строй, сословные организации, городское самоуправление и общинные связи — все эти явления, естественно, наложили свой отпечаток на характер власти и авторитета в средние века.

Чрезвычайно важно для нашей темы рассмотрение различных политических теорий, призванных в то или иное время идеологически обосновать правомерность и законность власти правителей империй и королевств, подкрепить философскими, религиозными и историческими аргументами духовный авторитет их власти, определить отношения властителей с церковью, знатью, сословиями, народом, создать идеальный образ государя. Особый интерес вызывает и символика власти, нашедшая свое красочное воплощение в литературе, архитектуре и изобразительном искусстве, геральдике, нумизматике и сфрагистике средневекового мира.

При разработке темы «власть и авторитет в средние века» совершенно

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 171.